

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Г.И. Макарова

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ РОССИИ (по материалам экспертных интервью, проведенных в Республике Татарстан)*

Произошедшее в 1990–2000-е гг. изменение статуса национальных культур в Татарстане привело к возникновению ряда проблем с развитием русского языка и русской культуры. Результаты интервью с руководителями русских национально-культурных обществ и центров РТ (2002 г.) позволили выделить следующие из этих проблем: сокращение времени, выделяемого в школах на изучение русского языка; современное положение православной церкви в республике; сохранение русской традиционной культуры на селе; развитие в РТ профессионального творчества русских писателей, музыкантов, художников; представленность русской культуры в средствах массовой информации. В статье приводится оценка экспертами культурной политики Российской Федерации и Республики Татарстан, обобщаются их представления об идеальной модели этнокультурной политики в полиэтническом обществе.

Изменение статуса и соотношения национальных языков и культур в республиках Российской Федерации оказалось неотъемлемой составной частью тех политических, экономических и социокультурных перемен, которые произошли в них в последнее десятилетие. В Татарстане эти изменения коснулись прежде всего языков и культур двух, основных по численности в РТ, народов — татар и русских**.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макаруров, № 02-73289-000-GSS.

** По данным переписи 1989 г. татары составляли 48,5 % от общей численности населения РТ, русские — 43,3 %.

Учитывая, что большая часть исследований 1990-х — начала 2000-х гг. посвящена в республике вопросам развития татарского языка, образования, культуры, либо этнокультурным проблемам в целом, представляется важным рассмотреть положение в Татарстане русского языка и русской культуры. Это и стало одной из главных задач экспертных интервью, проводившихся автором данной статьи в РТ в июне — ноябре 2002 г.

Изначально исследование планировалось осуществить среди руководителей 20 официально зафиксированных в республике русских и одного славянского национально-культурных обществ и центров*. Однако в ходе работы список информантов уточнялся, в частности в связи с тем, что наряду с формальными движениями, в Татарстане были обнаружены также и неформальные, информацию о которых предоставляли сами эксперты. Кроме того, учитывая, что большинство населения республики (более 70 % [1, с. 17]) сегодня проживает в городах, доля интервьюируемых из числа городских жителей была увеличена, расширен охват городов (среди них: Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск, Елабуга, Заинск, Төпөши). Из сельских же национально-культурных центров были отобраны прежде всего те, которые располагаются в районах со значительной долей русского населения (в Алексеевском, Лаишевском, Бугульминском и др.). И, наконец, по завершении 21 запланированного интервью обнаружился недостаток информации по вопросам развития профессиональной художественной культуры в Татарстане, в связи с чем дополнительно проведены три глубинных интервью с представителями русской творческой интеллигенции Татарстана. В последних акцент делался на оценке этнокультурных аспектов деятельности творческих союзов РТ и РФ**.

Проведению интервью предшествовали:

- 1) анализ имеющихся в Татарстане статистических данных по образованию и культуре, который дал возможность сопоставить количественные показатели и динамику развития в республике русского, татарского и других языков и культур;
- 2) изучение официальных документов, принятых в РТ (связанных с культурой законов, программ и концепций национально-культурного развития);
- 3) дискурсивный анализ содержания региональных телепрограмм и газетных сообщений, посвященных культурной жизни в республике и состоянию межэтнических отношений;
- 4) вторичный анализ результатов массового социологического опроса «Культуры народов Татарстана» (рук. Г.И. Макарова, 1000 чел., 2001 г.***).

* Информация о них была предоставлена работниками Республиканского научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительной работы при Министерстве культуры Республики Татарстан.

** В процессе кодировки все интервью были условно подразделены на следующие группы: 1) интервью с экспертами из числа городских жителей — далее обозначаются буквой «Г»; 2) интервью с экспертами из числа сельских жителей — далее обозначаются буквой «С»; 3) интервью со служителями православной церкви — обозначаются буквой «П»; 4) интервью с представителями русской творческой интеллигенции РТ — обозначаются буквой «Т». Две последние группы были выделены из числа городских экспертов в виду специфики их профессиональной деятельности, существенно определяющей характер их взглядов на изучаемую проблему.

*** Опрос проводился в городах и районах Республики Татарстан и охватил 1000 человек (генеральная совокупность — население РТ на 2000 г. трудоспособного возраста и старше — 2951 тыс. чел.). После выбраковки осталось 957 анкет. В процессе выборки были соблюдены существующие

Этот обширный материал дал возможность наиболее полно представить положение дел в изучаемой сфере, что помогло как при разработке тематики экспертных полуформализованных интервью, так и при анализе и интерпретации их данных. Применение же, наряду с методом массового анкетного опроса, гибких опросных методик позволило получить данные, обладающие значительной качественной определенностью). Однако важно подчеркнуть, что результаты интервью — это лишь обобщенное мнение руководителей русского движения в регионе и его данные не могут быть напрямую спроецированы на все русское население республики.

В описании полученных результатов последуем предлагавшейся экспертам для обсуждения тематике, помимо тех вопросов, которые касались непосредственно биографии интервьюируемых, истории создания и деятельности национально-культурных обществ и центров. Обратимся прежде всего к оценке их руководителями **положения в Татарстане русского языка.**

Законом «О языках народов Республики Татарстан» (от 8 июля 1992 г.) в РТ было официально утверждено два государственных языка: татарский и русский. В течение десяти лет здесь велась политика их активного выравнивания. Тем не менее, как свидетельствуют статистические данные* и результаты массового опроса «Культуры народов Татарстана», позиции русского языка в республике реально продолжают оставаться ведущими. Так 98,2 % респондентов-русских, 71,3 % татар и 89,8 % представителей других национальностей — то есть 83,8 % от общего числа опрошенных отметили, что свободно говорят, читают и пишут на нем. Аналогичный пункт относительно языка титульной национальности РТ выделили лишь 2,9 % русских, 70,2 % татар**, 5,1 % представителей иных национальностей — то есть всего 39,6 % от всех опрошенных. При сравнении полученных данных с результатами опроса 1994 г. (проводившегося по проекту: «Национальное самосознание. Национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации»), практически не было обнаружено положительной динамики в сторону свободного владения русским населением РТ языком титульной нации, и это при том, что в 2001–2002 учебном году 99,1% учащихся республики изучали в школе татарский язык [2, с. 289].

Следует отметить, что, по результатам анкетирования 2001 г., закрепление в РТ двух государственных языков (татарского и русского), а также возросшее внимание руководства республики к языку титульной нации, было воспринято ее населе-

пропорции в соотношении городского и сельского населения РТ. Из городов представлены: Казань, Набережные Челны, Чистополь, Азнакаево; из сельских районов: Аксубаевский, Арский, Балтасинский, Верхнеуслонский, Кукморский. В ходе опроса в целом воспроизведен национальный состав РТ, а также социальные и возрастные пропорции населения избранных городов и районов.

* В 2001–2002 учебном году в школах РТ на русском языке продолжало обучаться 100 % детей русской национальности, 50,7 % детей-татар. В медиа-пространстве региона сохраняется явная языковая асимметрия в пользу русскоязычных СМИ: на 1 января 2001 г. более половины печатных СМИ вели свою деятельность на русском языке, одна четверть — на обоих государственных языках республики и лишь одна восьмая — на татарском; практически все местные проводные радиостанции осуществляют вещание на русском и татарском языках, им составляют конкуренцию 17 русскоязычных и 2 татароязычные коммерческие FM-радиостанции; и, наконец, государственные телеканалы выпускают программы на двух языках, в то время как коммерческие телестанции, выходящие в РТ — русскоязычны.

** Причем и эту цифру можно поставить под сомнение, объясняя недостаточной самокритичностью представителей титульного этноса в оценке своего знания родного языка.

нием неоднозначно. 40,6 % опрошенных русских высказали: одобрительное отношение к введению в Татарстане двуязычия, 17,2 % русского населения это оказалось безразлично, 20,8 % — не считает функционирование в РТ двух государственных языков реальным; и, наконец, 9,5 % русских — высказали на этот счет свое откровенное неодобрение (см. табл. 1).

Таблица 1

Отношение к введению в Татарстане двуязычия (%)

	Татары	Русские
Одобряю	72.3	40.6
Мне это безразлично	10.6	17.2
Не одобряю	2.9	9.5
Не считаю двуязычие реальным	7.9	20.8
Затрудняюсь ответить	6.3	11.9

Уточняя названный выше факт в ходе интервью с экспертами, мы пришли к выводу о том, что большинство из них беспокоит прежде всего **сокращение времени, выделяемого в школе на изучение русского языка** в результате введения часов татарского. Данная проблема на сегодняшний день уже не является для Татарстана латентной. Она актуализирована в средствах массовой информации и затрагивает интересы всего населения республики [3; 4].

В ходе интервью информанты подчеркивали, что русский язык сложен, требует большого количества часов для его изучения и что родители вынуждены по просьбе учителей русского языка дополнительно заниматься с детьми дома (и это при постоянно отмечаемой в педагогической литературе и в СМК крайней загруженности школьников). В конечном же счете, все это, по мнению информантов, отрицательно сказывается на грамотности детей, степени владения ими русским языком.

В свою очередь, важным аргументом в такого рода рассуждениях выступал и тот факт, что названное нововведение делает проблематичным поступление детей, обучавшихся в Татарстане, в российские вузы, так как их шансы на успешное написание вступительного сочинения по русскому языку, по мнению информантов, существенно снижаются.

Тем не менее, размышляя над причинами общего снижения культуры русской речи, особенно среди молодежи, информанты отмечали и другие (помимо двуязычия) факторы, обусловленные всей совокупностью происходящих в России социокультурных перемен. Что же касается факта введения преподавания в школах РТ татарского языка, то основная часть экспертов посчитала данное начинание положительным: *«Я всегда завидовала людям, которые с детства знают два языка. <...> Просто я считаю, что это как-то грубо у нас делается, понимаете... насильственно, с очень плохим уровнем подготовки тех, кто занимается этим делом».* (Т-1). Продолжая размышлять на названную тему, информанты, как правило, отмечали, помимо отсутствия подготовленных специалистов, слабость методик преподавания татарского, в которых мало внимания уделяется разговорному языку, и, самое главное, узость сферы его реального применения.

Обобщая подобного рода проблемы и противоречия, эксперты высказывали пожелания татарский язык должен изучаться в школах не так углубленно и досконально; уроки татарского языка должны быть посвящены прежде всего изучению разговорного, бытового языка; и, наконец, отдельные респонденты отмечали, что, возможно, следует изучать его по желанию. В то же время высказывались и прямо противоположны суждения о том, что татарский непременно должен преподаваться с одинаковой степенью сложности для русских и татар (в настоящее время в школах РТ созданы отдельные группы для детей, отчасти владеющих и совсем не владеющих татарским языком) для того, чтобы избежать в дальнейшем ущемления интересов русских в связи с недостаточным знанием ими одного из государственных языков республики. Кроме того, для взрослого населения Татарстана (всех желающих) должны существовать бесплатные курсы по изучению языка титульной нации. В конечном счете, во всех высказываниях, наряду с тревогой о дальнейших судьбах русского языка, слышится и беспокойство по поводу придания статуса государственного языку, которым русские не владеют и который постепенно становится «условием для занятия ряда должностей и работы по определенным профессиям» [5, с. 140].

Эксперты нередко отмечали, что в современной русскоязычной школе недостаточное внимание уделяется и знакомству детей с русской культурой в целом. В частности, преподавание русской литературы, в силу того же сокращения количества часов, стало хрестоматийным. Отсюда — требование ряда руководителей русского национального движения открыть русские национальные гимназии (прежде всего в городах, т. к. в селах для этого просто нет возможностей)*. Это требование выдвигается ими во многом в противовес открытию в последнее десятилетие в республике целого ряда татарских национальных гимназий, преподавание в которых в той или иной мере «этнически ориентировано», т. е. помимо преподавания предметов на татарском языке, нередко включает в качестве предмета или факультатива изучение арабского языка, знакомство с татарскими традициями и народным творчеством, а порой и с основами мусульманского религиозного мировоззрения [5, с. 150]. По аналогии часть интервьюируемых предлагает создать и русские гимназии с углубленным изучением русского языка, русской истории, гуманитарных предметов, с открытием при них эстетических центров, способствующих сохранению традиционной культуры народа.

Другая часть информантов, однако, засомневалась в правильности такого пути. Их сомнения были обусловлены тем, что появление отдельных форм обучения детей — представителей различных национальностей, может в дальнейшем отрицательно сказаться на межнациональных отношениях, а тем самым, в конечном счете, и на социальной стабильности в регионе. Уже сегодня, как считают отдельные эксперты, функционирование татарских национальных гимназий вызывает некоторую напряженность. Причем чаще всего нарекания интервьюируемых касались ориентаций такого рода гимназий на Восток, на мусульманские страны, и, прежде всего, на Турцию, которые оценивались как чуждые нашим культурам.

Противодействие чужеродному, откуда бы оно ни шло — с Востока или с Запада, слышится не только в ответах информантов, касающихся национальных гимна-

* В ряде городов Татарстана — Казани, Нижнекамске — они уже начали создаваться.

зий, но и в их высказываниях по поводу религии. В частности, в ходе интервью (как со служителями церкви, так и с другими экспертами) нередко выражалась озабоченность появлением в Татарстане представителей ряда пришедших с Запада сект (прежде всего Иеговистов). Деятельность последних чаще всего трактуется экспертами как попытки «увести» людей от традиционных для народов РТ религий, подчинить инородному культурному и, нередко, политическому влиянию: *«Что я хотел сказать по поводу американского подхода ко всему. Они прекрасно поняли. Вот в прошлый год только было выделено на секты Иеговы 18 млн. долларов: "На просвещение России". Ну какое это просвещение? Они убивают несколько зайцев сразу. Первое, чем больше религий — тем разрозненней народ. Второе, секта Иегова — чисто проамериканская секта. Она там и основана. И то, что она основана в Америке, и что ведет такую позицию проамериканскую — это же видно. И самое важное, раз Россию нельзя взять мечом — ее нужно разложить»* (П-1). Причем, по наблюдениям экспертов, эти секты нередко находят среди населения своих сторонников, особенно на селе, заполняя образовавшийся здесь в последнее время духовный вакуум (когда клубы обеднели и практически не функционируют, библиотеки не пополняются, кинотеатры закрыты, а церкви находятся в разрушенном состоянии).

Что же касается вопроса о взаимосвязи православия и русской культуры, то здесь мнения информантов разделились. Одни, их оказалось большинство, отмечали, что эти связи практически неразрывны. Эксперты вспоминали связанное с принятием православия введение славянской письменности, влияние византийской художественной системы на древнюю русскую живопись и архитектуру, указывали на связь с религиозной тематикой произведений ряда русских философов, поэтов, писателей, композиторов. Они подчеркивали факт постепенного приспособления на Руси христианства к существовавшим до него языческим верованиям и появления на этой основе т. н. бытового православия, являвшего собой, по справедливому замечанию авторов книги «Русские: этносоциологические очерки», «синкретизированный вариант православно-языческих обрядов, праздников, религиозных верований» [6, с. 313]. Показательно в этом плане и то, что данные массового опроса «Культуры народов Татарстана» в целом подтвердили факт неразделимости в сознании большинства нынешнего населения Татарстана русской народной и религиозной культуры. Так, отвечая на блок открытых вопросов анкеты, они часто называли среди русских народных праздников православные.

И все же главным, по мнению ряда экспертов, является влияние православия на образ жизни и образ мыслей, на саму ментальность русского человека, а через нее и на всю культуру.

Особую, хотя и небольшую группу, составили эксперты, стремившиеся подчеркнуть наличие более древних — славянских корней русской культуры, которые церковь, по их мнению, всячески подавляла, но уничтожить окончательно не смогла. И, наконец, были те, кто, разделяя русскую культуру на фольклорную, религиозную и высокую, подчеркивали, что последняя отнюдь не связана исключительно с религией и что по отношению к ней сегодня явно преувеличено значение православия. (Чаще всего это были эксперты, чья деятельность непосредственно связана с той или иной сферой профессиональной художественной культуры).

Обобщая приведенные выше и схожие с ними мнения экспертов, возьмем на себя смелость сделать вывод о том, что заочный спор между ними касался лишь степени влияния православия на русскую культуру. Одни считают его практически абсолютным, другие — охватывающим лишь некоторую ее часть.

Что же касается оценки современного положения православной церкви в республике, то сам характер рассуждений на эту тему существенно зависел от конкретного места жительства информантов, от расположения того или иного национально-культурного общества, центра. Так, информанты из Набережных Челнов и Альметьевска отмечали, что в этих городах имелись определенные трудности со строительством православных храмов. Интервьюируемые же из других городов Татарстана были более сдержанны в своих высказываниях.

Тем не менее численный перевес мечетей по сравнению с православными храмами отмечали многие*. Одни видели в этом осуществляемую по аналогии с действиями федеральных властей, всячески акцентирующих свое благоволение к православной церкви, и одновременно в противовес им осознанную политику республики. Правда, информанты вспоминали, что правительство Татарстана выделило средства, и немалые, на восстановление Раифского монастыря, взяло под охрану, официально признав памятником культуры, архитектурный комплекс г. Свияжск. И все же появление в Казанском кремле грандиозного сооружения — мечети Кул Шариф ряд экспертов посчитал не совсем скромным.

Другие объясняли факт количественного преобладания мечетей тем, что именно они в наибольшей степени пострадали в предыдущие периоды российской истории. Третьи — связывали его со степенью заинтересованности и активности местной администрации, и, в определенной мере, инициативы самого населения.

В целом же по такому тонкому и деликатному вопросу, как религия и межконфессиональные отношения, интервьюируемые старались высказываться весьма корректно, особенно сельские жители. В этом сказались в том числе, по замечанию одного из экспертов, еще сохраняющиеся в российской глубинке характерные черты русского крестьянского (патриархального) менталитета, такие, как терпение, тактичность, внутреннее достоинство. Причем сами информанты нередко отмечали, что мечети являются менее дорогостоящими сооружениями, чем церкви: *«Их же проще сделать-то. Ну, построил минарет. А вот православные храмы — они вон какие все! Иконостас там, иконы чтобы натуральные, маслом писанные были..»* (С-3).

Подводя итог сказанному, важно подчеркнуть, что в ходе интервью обозначилась следующая, требующая своего разрешения проблема. На территории Татарстана, как и в России в целом, имеется множество заброшенных полуразрушенных церквей, построенных в XVII-XIX веках, восстановление которых требует вложения немалых средств. Получается, что построить новый небольшой храм даже дешевле, чем отреставрировать старый. Однако строить часовни, моленные дома, в то время как по соседству разрушаются православные храмы, нередко являющиеся памятниками старины, не представляется оптимальным. Возможно, данная про-

* На конец 1999 г., по данным Совета по делам религий при КМ РТ, зарегистрировано религиозных организаций: мусульманских — 937, православных — 178, протестантских — 48, других — 12 [7, с. 207].

блема требует создания реестра сохранившихся в российской глубинке старинных культовых сооружений и разработки специальной федеральной программы по их восстановлению.

Необходимость же в православных храмах в русских деревнях, по словам экспертов, несомненна, особенно в условиях падения нравственности, роста различных форм девиантного поведения. *«Если там церковь работает, все-таки какой-то климат поддерживается, духовность какая-то поддерживается. А если даже церкви нет в русском селе, то просто люди спиваются, то есть никакой там духовности, ничего нет, и старые какие-то вещи не действуют — партийные (там уже нет этого), комсомол... И они спиваются. И что с этим делать потом? Это же проблема для республики и для бюджета, для всех органов социальной защиты, здравоохранения и прочее, прочее... Должен поддерживаться определенный уровень здоровья населения, в том числе духовного»* (Г-9).

Что же касается межконфессиональных отношений в Татарстане, то они, по мнению интервьюируемых, в целом продолжают оставаться спокойными. Последнее связано с тем, что, во-первых, здесь сильны традиции длительного СОВМЕСТНО-ГО проживания народов (чьи судьбы исторически связаны с различными конфессиями), и в сознании людей продолжают действовать утверждавшиеся десятилетиями принципы интернационализма; во-вторых — в трактовке религий населением Татарстана сильно понимание относительности различий между ними, видимо, в силу того, что возврат к вере произошел уже в период т. н. постсовременного развития. Причем и православие, и ислам сегодня, в период активных общественных трансформаций, решают, по мнению экспертов, в республике единую задачу: поддержания нравственности, сохранения института семьи.

Наряду с религией, данную функцию весьма успешно могла бы также выполнять, как отмечает ряд информантов, и традиционная культура народов. Что касается современной ситуации с возрождением русской культуры, то ее оценки были различными. Одни информанты, прежде всего из числа сельских жителей, отмечали, что тяга к своему, народному, у русских сохранилась. Среди форм, посредством которых осуществляется возрождение традиционной русской культуры, назывались: проведение традиционных народных и религиозных праздников (Масленица, Красная горка, Пасха, Рождество и др.), а также престольных праздников села; написание истории села и, в отдельных случаях, попытки воспроизвести характерный для данной местности русский костюм; участие в фольклорных фестивалях и конкурсах (в Татарстане это «Каравон», «Праздник русского фольклора на Острове-граде Свяжск» и Республиканский конкурс «Русская песня»), в праздниках близлежащих городов (в которых каждое село оформляет свою улицу) и т. д. Инициаторами и главными участниками всех этих мероприятий выступают руководители и члены фольклорных коллективов, заведующие сельскими клубами и районными домами культуры, библиотекари, а порой и председатели сельсоветов и т. д. Кроме того, функцию организации и координации, методического обеспечения подобного рода деятельности в РТ выполняет Республиканский научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительной работы при Министерстве культуры Республики Татарстан, с которым, как оказалось, руководители большинства русских национально-культурных центров поддерживают связь. Для сбора и научной

обработки фольклорного материала при Управлении культурой г. Казани создан Центр русского фольклора [8, с. 26].

Часть экспертов, однако, подчеркивала крайнюю инертность, безынициативность русских в вопросах развития собственной культуры: *«Что мы, русские, вечно на печи лежим? От того, что нас много? Или вот большой русский медведь, там какие-то мошки покусывают. Ну, надо, он прихлопнет мошку. Но и это не надо, ему ничего не надо, русскому Ване! Сейчас ну такая инертность до сих пор, такая инертность».* (Г-5).

Другая же часть интервьюируемых отмечала наличие некоторых несоответствий в масштабах проведения в республике, в конкретном городе, районе ряда традиционных татарских и русских праздников, фестивалей татарского и русского фольклора. Так сравнивались татарский «Сабантуй» (Праздник плуга), ставший в последнее десятилетие своеобразной визитной карточкой республики, общереспубликанским праздником, и русская «Масленица» (или «Проводы зимы»). Однако типичным было и сравнение «Сабантуя» со ставшим в Татарстане традиционным фестивалем русских народных коллективов «Каравон». Тем не менее ряд экспертов высказали сомнение, что, возможно, несправедливо было бы требовать от местных властей равного отношения к русской и татарской традиционной культуре: *«Русские могут везде свою культуру развивать. А Татарстан — это единственное практически место, где они (татары) могут это делать».* (С-6). В итоге эксперты делают вывод о том, что развитию в регионах русского фольклора, русских народных традиций, промыслов могло бы уделяться больше внимания со стороны федеральных властей, что должно быть отражено в культурной политике России.

Однако есть вопрос, в котором все эксперты, прежде всего из числа деревенских жителей, оказались солидарны. Это — необходимость скорейшей и всесторонней поддержки культуры на селе. Причем проблемы здесь, по мнению информантов, одинаковы как в русском селе, так и в татарском.

С материальным обеспечением сельской культуры дела всегда обстояли сложно. Сейчас же, когда помимо крайне скромной зарплаты работников клубов, библиотек, село на развитие культуры практически ничего не получает, состояние дел становится просто критическим. Сельские и районные мероприятия проводятся здесь либо при поддержке местной администрации и спонсоров (если район относительно богатый), либо на голом энтузиазме самих работников культуры (когда даже подарки их участникам они приносят из дома). Не хватает денег на пошив костюмов, на пополнение сельских библиотек, на закупку методических журналов и пособий по организации клубных мероприятий, народных праздников, отсутствуют специалисты, способные квалифицированно помочь в деле сохранения народных традиций, фольклора. При этом представители русских национально-культурных центров жалуются на то, что они практически не общаются с аналогичными центрами ни в Татарстане, ни, тем более, в России. Хотя полезность такого рода общения, по их словам, сложно переоценить.

Эксперты отмечают, что на сегодняшний день именно жители русских деревень активнее всего уезжают в города, в результате русским грозит здесь практически полная утрата своих традиций, фольклора, ибо именно деревне последние присущи исконно, город же всегда был связан со «вторичным», или рекультивационным от-

ношением к традициям» [6, с. 267–268]. И это тем более обидно в связи с тем, что на территории Татарстана сохранился весьма интересный и разнообразный фольклорный материал, привнесенный сюда еще в XVII веке переселенцами из различных регионов России, и здесь произошла его относительная консервация в инонациональном окружении. Таким образом, обозначенная выше проблема — это еще и проблема сохранения самобытной, присущей именно данной местности, русской традиционной культуры.

Совершенно особый вопрос, который лишь затрагивался в интервью и требует специального изучения — развитие в национальных регионах России профессионального творчества русских писателей, музыкантов, художников. В связи с избранным ракурсом исследования нас интересовало прежде всего влияние на него этнокультурной политики России и Татарстана.

Оказалось, что на настоящем этапе государство, и республиканские власти в частности, не вмешиваются непосредственно во внутренние дела искусства. При этом основная масса экспертов считает, что в Татарстане свои творческие способности могут проявить представители всех национальностей. Однако приоритетная поддержка культуры титульной нации все же чувствуется. Причем, по свидетельству экспертов, принимается и обращение творческих деятелей других национальностей к традиционной для татарской культуры системе тем, образов, средств выразительности. Все это в определенной мере является реакцией на проводившуюся в советский период политику нивелировки самобытности национальных культур, когда культура русского народа нередко преподносилась как культура старшего брата. Последнее порождало у других народов «комплекс неполноценности», вылившийся сегодня в стремление самоутвердиться, в том числе и названным выше образом.

В свою очередь, предпочтение художниками республики татарской национальной проблематики, художественных приемов отчасти обусловлено политикой, проводимой, начиная с советского периода, российскими организациями и учреждениями культуры, выставочными комитетами и т. д. Дело в том, что на общероссийские и межрегиональные выставки, конкурсы, фестивали, по свидетельству экспертов — деятелей искусства, из национальных республик, как правило, отбирались и отбираются произведения специфические, связанные с национальным колоритом, характерным именно для данных регионов. Как результат — неосознанное конструирование создавшейся в настоящее время в республике ситуации с развитием русского художественного творчества.

Таковы наиболее общие проблемы русской профессиональной художественной культуры в Татарстане. Наряду с ними имеются и специфические или, можно сказать, внутрицеховые проблемы, связанные с отношениями в конкретных творческих союзах. К примеру, если в Союзе художников сохраняется значительное влияние русской художественной школы, то Союз писателей РТ с самого начала формировался преимущественно как «татароязычный», ориентированный главным образом на поддержание татарской национальной литературы. И все же информанты, как правило, проявляли в своих высказываниях толерантность, терпимость к проблемам национально-культурного самоопределения и развития титульного этноса республики.

Что же касается сохранения русской культуры прошлого, то здесь дела обстоят в целом благополучно. В республике имеется 43 музея, среди которых музеи имени Горького, Боратынского, дом-музей Шишкина, литературный музей Пастернака и др. В репертуарах Большого концертного зала РТ и Татарского академического го-

сударственного театра оперы и балета им. М. Джалиля произведения русских композиторов занимают достойное место и явно преобладают над татарскими. К примеру, соотношение количества спектаклей в репертуарах театра оперы и балета 61, 62, 63 театральных сезонов (сентябрь 1999 — май 2002), было следующим: около 44 % — постановки опер и балетов зарубежных композиторов, 42 % — русских опер и балетов, 14 % — опер и балетов татарских композиторов. Начиная с 1982 года в Казани проводится шляпчинский фестиваль, ставший всероссийским (1985), а позже международным, и именно здесь поставлен единственный в России памятник великому русскому певцу. Правда, своеобразный символический паритет поддерживается благодаря проведению в республике с 1987 г. балетного фестиваля им. Р. Нуриева. Все эти факты упоминались экспертами.

Отдельным пунктом в списке тем для обсуждения шла проблема представленности русской культуры в средствах массовой информации РТ и РФ. Рассмотрим, прежде всего, как информанты оценивают в этом плане культурную политику СМИ Татарстана. Как мы и предполагали, интервьюируемые повели здесь речь главным образом о телевидении: во-первых, в силу того, что современное население радио в принципе слушает редко, во-вторых, в связи с тем, что республиканские проводные радиостанции в основном транслируют передачи на татарском языке и о татарской культуре, а FM-радиостанции, ведущие вещание на русском языке, для многих населенных пунктов не доступны. И все же часть населения (прежде всего пожилые сельские жители), как оказалось, вынуждена слушать республиканское радио и, по словам интервьюируемых, выражает досаду на недостаточное внимание здесь к русской культуре, к интересам русскоязычной публики в целом*.

Из телеканалов Татарстана русские больше всего смотрят коммерческий телеканал «Эфир» (в городах или окрестностях городов, так как для отдаленных районов он не доступен). Республиканский же канал включают редко, поскольку трансляция осуществляется здесь в большей степени на татарском языке и передачи посвящены в основном татарской культуре. Хотя интервьюируемые отмечали, что этот приоритет не абсолютен и что на республиканском канале также появляются передачи о православных храмах и монастырях, сообщения о русском фольклорном фестивале «Каравон», о фольклорном празднике в г. Свияжск.

И все же даже не преобладание передач на языке и о культуре титульной нации, как правило, выступает главной причиной отсутствия интереса среди русского населения к трансляциям ГТРК (Государственного телерадиоканала). Причина заключается, прежде всего, в профессиональном уровне данных передач, в том, какие именно образцы татарской культуры пропагандируются.

Недостаток же информации на русском языке и о русской культуре жители РТ восполняют за счет российских СМИ в связи с чем данная проблема не воспринимается ими остро. «Русское присутствие в республике остается сильным, но не в меньшей мере за счет русскоязычных татар и центрального информационного воздействия» [9, с. 32]. Продолжая углубляться в анализ вопроса, эксперты часто приходили к выводу о том, что и в российских электронных СМИ русская культура

* Информанты из числа сельских жителей нередко подчеркивали, что им теперь вообще редко приходится смотреть телевизор, читать газеты, т. к. они вынуждены иметь большие подсобные хозяйства, чтобы хоть как-то прокормиться.

представлена весьма ограниченно. Так, информанты из числа сельских жителей отмечали единичные передачи о русской народной песне (типа «Играй гармонь»), подчеркивая, что они популярны и востребованны на селе. Другие отмечали, что нужны «русские» передачи не только в этнографическом смысле, но и по своему духу, ментальности. Причем те, и другие высказывали возмущение коммерциализацией и американизацией российского телевидения. Представители же крайних, радикальных сил, были склонны усматривать в последнем сознательно проводимую **СМИ** политику на «оглушение народа», его подчинение западным жизненным стандартам.

Какие же передачи хотели бы видеть эксперты на республиканских теле- и радиоканалах:

- 1) передачи о русских народных традициях, праздниках, о том, как они проводятся в городах и районах РТ;
- 2) познавательные передачи о местных деятелях культуры и искусства — прошлого и настоящего, вне зависимости от их национальности;
- 3) передачи об истории Татарстана, его исторических памятниках, в том числе и о православных храмах и монастырях;
- 4) литературные встречи, художественную критику на театральные, музыкальные и прочие события, происходящие в последнее время в республике;
- 5) трансляции отечественных фильмов, ставших классикой российской кинематографии («Тихий дон», «Война и мир» и т. п.).

Относительно республиканских печатных **СМИ** претензий у экспертов оказалось существенно меньше. По их словам, в газетных материалах можно встретить статьи о деятелях русской культуры, живших в разные времена на территории Татарстана, о проблеме засоренности русского языка, о вопросах современной застройки городов РТ (в связи с разрушением построек старой Казани), сообщения о концертах, гастролях, выставках российских художников, артистов и т. д. Хотя отмечалось преобладание в печатных **СМИ** РТ материалов информативного плана над проблемными статьями — размышлениями о современных путях развития русской культуры в республике, в России в целом.

Как уже было видно из приведенных выше материалов, эксперты говорили в ходе интервью не только о современных проблемах развития русского языка и культуры в Татарстане, но и давали оценку культурной политике республики. Обобщая приведенные выше мнения, отметим, что 1990-е гг. отличались в РТ приоритетным вниманием к языку и культуре титульной нации. Последнее объясняется тем, что татарский язык и культура не имели длительное время возможностей для своего полноценного развития. Результатом данной политики явилось ускоренное развитие татарской культуры, по сравнению с культурой других национальностей. Такого рода ситуация не устраивала часть русской общественности, которая начала создавать организации с целью защиты этнокультурных интересов русских. Причем руководство республики не препятствовало их созданию.

В 2000-е гг. ситуация стала меняться. Республиканские власти пошли на открытое обсуждение имеющихся здесь проблем, стали активнее помогать развитию русской культуры в РТ — проведению ряда мероприятий, связанных с развитием традиционной русской культуры, открытию русских гимназий и т. д. Происходящие изменения характеризуются большинством экспертов как положительные.

В процессе беседы интервьюируемым также задавались вопросы, касающиеся

этнокультурной политики федеральных властей. Здесь их мнение было единодушным: федеральный центр практически не проявляет интереса к развитию русского языка и русской культуры в национальных регионах РФ. И если в конце 1980-х — начале 1990-х гг. сюда еще приезжали специалисты по русскому фольклору, то позднее и эти связи прервались. Работники культуры на селе сетуют на то, что их практически не приглашают на российские фольклорные фестивали, общероссийские школы для сельских клубных работников. Что же касается профессиональной художественной культуры, то и здесь, по сравнению с советскими временами, общение сузилось, хотя и не прекратилось вовсе. Тем не менее специальной направленности на развитие русской культуры не наблюдается.

Какой же видят представители русского национально-культурного движения в Татарстане этнокультурную политику Российской Федерации и национальных республик в идеале? Выделим некоторые, наиболее часто упоминавшиеся моменты:

— на государственном уровне должны поддерживаться все национальные культуры, пропорционально доле народов в населении республики;

— должны пресекаться любые попытки разжигания межнациональной розни, звучащие с трибун политических собраний, в прессе, в произведениях искусства и т.д.;

— в качестве специального направления должно быть выделено возрождение традиционных культур народов, их включение в процесс воспитания подрастающего поколения;

— необходима периодическая переоценка ситуации, реального положения языков и культур в регионах, в России в целом;

— особое внимание в плане развития национальных культур должно обращать на инициативы общественности;

— и, наконец, наряду с пробуждением национального самосознания народов, необходимо уделять особое внимание формированию общих гражданских идентичностей (таких, как татарстанцы, россияне и т. д.).

Литература

1. Республика Татарстан, 1990–2000: Статистический справочник. Казань: Государственный комитет Республики Татарстан по статистике, 2000.
2. Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Т. (Г.)У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.
3. Сайганова С. Русисты собрались в Татарстане. С чего бы вдруг? // Время и Деньги. 2001. 20 марта.
4. Мачнева О. Вечерняя Казань. 2001. 18 декабря.
5. Аруноян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сукоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект пресс, 1999.
6. Русские: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 1992.
7. Краткий религиозно-словарный справочник на русском и татарском языках / Под общей редакцией проф. Р.А. Набиева. Казань: Мастер-Лайн, 2000.
8. Гареева Л.А. Традиционная русская культура в полиэтничном Татарстане. Казань: РИЦ «Школа», 2001.
9. Тишков В. Pro et Contra этнического федерализма в России // Федерализм в России / Под ред. Р. Хакимова. Казань: Институт истории АНТ, Казанский институт федерализма, 2001.